

УДК 94(47).084.6

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории стран Северной Европы ПетрГУ
irina.takala@onego.ru

СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ФИННЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями миграционной политики карельского правительства в первые десятилетия существования автономии, и анализируются особенности восприятия местным населением финнов-иммигрантов из Канады и США в первой половине 1930-х годов.

Ключевые слова: иммиграционная политика, североамериканские финны, Карельская автономия, кросскультурная коммуникация

Люди на протяжении всей своей многовековой истории постоянно перемещались. По мере того как шло развитие человечества, миграционные процессы усложнялись, принимали новые формы, появлялись новые побудительные мотивы. Исследователи в ходе истории различают несколько типов внешней миграции – это могут быть переселения целых племен и народов, или колонизационное движение, или выезд по различным мотивам (экономическим, политическим, этническим, религиозным) граждан одних стран в другие. Так, в XIX–XX веках широкое распространение во всем мире получила трудовая эмиграция – переселение из одних, преимущественно слабо развитых, стран в другие – богатые, индустриально развитые, с тем, чтобы найти на новом месте более выгодные условия жизни и труда. В начале XX века наряду с экономическими факторами мощными ускорителями миграционных процессов стали революционные события, а в конце столетия экономический кризис, политические и национальные конфликты в странах Восточной Европы вызвали интенсивный рост числа беженцев и переселенцев в Западную Европу.

Для России явления эмиграции и иммиграции также уходят своими корнями в глубокое прошлое. Несмотря на многочисленность населения, в стране всегда ощущался дефицит рабочих рук. С одной стороны, обычно не хватало квалифицированных специалистов, а с другой – обширные необжитые районы испытывали недостаток даже в неквалифицированных рабочих. Обе эти проблемы старались решить за счет привлечения иностранцев еще со времен Ивана Грозного – первые Иноземные слободы (места поселения иностранцев в русских городах) появляются в России в XVI столетии. При Петре I приток иностранцев в страну существенно возрастает, а при Екатерине II начинается широкая колонизация европейцами (прежде всего немцами) пустовавших земель Поволжья и Причерноморья. Столь же масштабной была и экономическая миграция в приграничные районы Российской империи во второй половине XIX века корейцев, китайцев, финнов и др. Колонисты и переселенцы получали значительные льготы от правительства для освоения новых земель – освобождение от воинской повинности,

право не платить налоги в течение длительного времени и т. д.

Несомненный интерес представляет и период 1920–30-х годов, когда в Советской России по разным причинам оказались десятки тысяч иностранцев. Появление на карте первого в истории социалистического государства, ставшего центром распространения коммунистических идей, вызвало к жизни такое явление, как массовое переселенческое движение по политическим мотивам. Политэмигранты были наиболее привилегированной группой иммигрантов, пользовавшейся целым рядом льгот, предоставляемых правительством, ибо они должны были стать проводниками коммунистических идей в своих странах и во всем мире. Однако самой многочисленной группой иммигрантов стали иностранные рабочие и специалисты, ехавшие в СССР помогать советским людям строить светлое «коммунистическое завтра». Большинство из них были искренни в своих намерениях: вера в социализм была сильна в те годы среди многих рабочих во всем мире, а захлестнувший Европу и Америку экономический кризис только укреплял эту веру. Вместе с тем эту категорию переселенцев следует рассматривать именно как трудовую иммиграцию, поскольку основными стимулами к переселению были все же соображения экономического порядка.

Еще в годы Гражданской войны во многих западных странах началось движение в поддержку республики рабочих и крестьян. Нередко на митингах солидарности рабочие объявляли о своем желании отправиться в Страну Советов строить новую жизнь. Особенно много желающих было в Германии, где в начале 1920-х годов свирепствовал тяжелый экономический кризис. О своем намерении ехать в Советскую Россию заявили тысячи немцев, а многие отправлялись в путь без всякого разрешения с германской или советской стороны.

В 1919 году в советских государственных учреждениях, в ВСНХ и Наркомземе, начались переговоры о переселении в Россию западноевропейских рабочих для работы в промышленности и сельском хозяйстве. Весной 1920 года Совнарком принял ряд постановлений, определявших условия иммиграции сельскохозяйственных и промышленных рабочих из Западной Европы [4]. Касались они, прежде всего, переселенцев из Германии, но впоследствии послужили основой при заключении договоров и с другими иммигрантами. Основной смысл всех документов, регламентировавших иммиграцию германских квалифицированных рабочих определенных профессий, сводился к распределению их на работу группами на фабрики, заводы и в совхозы с целью обеспечить таким путем рост производства. Переселенцам предоставлялся ряд льгот по сравнению с остальными гражданами РСФСР: освобождение на 5 лет от уплаты государственных и местных налогов, освобождение от отбы-

вания воинской повинности при условии выполнения норм производства и исполнения законов. Предусматривались и повышенная оплата их труда, и дополнительное снабжение, «связанное с увеличением производительности труда» (подробнее см. [22]). Предпочтение отдавалось холостым и малосемейным рабочим.

Стремление правительства привлечь в страну трудовых иммигрантов, вооруженных дефицитными инструментами и передовыми знаниями, изначально наткнулось на сопротивление различных ведомств, каждое из которых старалось сделать так, чтобы льготы переселенцам оплачивал кто-нибудь другой. В документах Совнаркома, приложенных к постановлениям, отчетливо видна «конкуренция» ведомств и параллелизм в решении вопросов, связанных с переселением из-за рубежа. Тем не менее решающим тогда оказалось заявление Ленина о том, что «десяток, сотня иностранных высококвалифицированных рабочих могли бы обучить сотню и тысячу рядом с ними работающих наших русских рабочих», а потому привлечение иностранцев и желательно, и необходимо [13]. При этом Ленин неоднократно настаивал на необходимости получения от германских делегатов, которые приезжали в Россию для ведения переговоров о переселении, расписки, подтверждавшей, что они знакомы со всеми трудностями жизни рабочих в России [22].

Другим потенциальным источником массовой иммиграции были США. Правда, ехать в Россию здесь собирались в основном не американцы, а не сумевшие вписаться в американскую жизнь эмигранты, в том числе и из самой России. Иммиграция и реэмиграция происходили под девизом помощи восстановлению советского хозяйства. Все реэмигранты (возможно, за исключением политических) и иностранные иммигранты по собственному решению и в соответствии с условиями въезда в Советскую страну приобретали технические средства для предстоящей работы и обеспечивали себя всем необходимым на два года.

Советская промышленность действительно нуждалась в квалифицированных рабочих, поскольку с 1917 по 1920 год число рабочих в России сократилось с 2,6 до 1,2 млн человек. Из-за нехватки продуктов питания многие покидали город и уходили в деревню [18]. Советское сельское хозяйство оставалось на чрезвычайно низком уровне развития – даже в 1928 году в 5,5 млн крестьянских хозяйств все еще использовали соху, а половина урожая зерновых собиралась серпами или косами [25; 29]. В этой связи иммиграция иностранных фермеров с их современной технологией обработки земли казалась правительству чрезвычайно уместной. И в целом трудовая эмиграция поощрялась как по идеологическим, так и по экономическим причинам до второй половины 1921 года.

Вместе с тем практика приема первых иммигрантов показала нереальность замысла о массо-

вом переселении иностранных рабочих, страна к этому была не готова. Причины неудач и конфликтов с первыми переселенцами носили и объективный, и субъективный характер, реализация проектов столкнулась с крупными трудностями для обеих сторон. Это обстоятельство, так же как и перемены, происходившие в стране, оказали влияние на последующие правительственные решения относительно масштабов и форм иммиграции и реэмиграции.

Первые ограничения на въезд трудовых иммигрантов были введены в РСФСР в июне 1921 года. А в мае 1922-го Совет труда и обороны постановил «считать в настоящее время необходимым максимальное сокращение иммиграции и допущение к въезду в РСФСР только тех групп рабочих, относительно которых имеется полная гарантия, что они найдут необходимый заработок на территории республики» [18; 1922, ст. 440]. На практике этот закон применялся почти исключительно к американским фермерам, иммиграцию которых советское правительство находило экономически выгодной, равно как и к американским рабочим. Именно тогда в разных частях страны появляются американские сельскохозяйственные коммуны, которые вели хозяйство с невиданной аккуратностью и эффективностью. В 1922 году в Ростовской области американскими финнами была основана коммуна «Kulvääjä» («Сеятель»), несколько позже возникают коммуны «Туё» («Труд») под Ленинградом и «Säde» («Луч») в Карелии.

Исходя из экономических соображений и в целях уменьшения общего числа иммигрантов правительство установило высокий имущественный и денежный ценз для въезжающих иностранцев. С 1923 года непременным условием допуска иммигрантов в СССР являлся ввоз основного и оборотного капитала в количестве, обеспечивающем организацию и ведение хозяйства. Размер и форма такого капитала определялись договором, заключаемым между фермерами и советскими властями. Правда, заинтересованное в поднятии целинных земель советское правительство предоставило селившимся на них ряд льгот. Например, по особому соглашению в счет арендной платы могли засчитываться специальные агрокультурные мероприятия [18; 1923, ст. 128, 525].

В 1923–1924 годах об иммиграции промышленной уже не было речи. Из-за общего промышленного кризиса, отсутствия топлива и заказов закрылись многие фабрики, в стране господствовала безработица. С 1924 года еще больше осложняется процедура оформления въезда иммигрантов: они должны были сами нести все расходы по переезду и транспортировке машин и сельскохозяйственного оборудования. Правда, плату за проезд с иммигрантов взимали по сниженным тарифам, а ввозимый ими инвентарь не подлежал таможенному обложению. Но из прямых льгот оставались теперь

лишь послабления по уплате налогов и отбыванию воинской повинности. С 1925 года, в дополнение ко всем ограничениям, введенным ранее, непременным условием въезда в СССР трудовых иммигрантов стала их организация в сельскохозяйственные коммуны, артели или кооперативы по уставам аналогичных объединений, уже существующих в СССР [18; 1924, ст. 383], [18; 1925, ст. 119, 134, 152, 171], [17; 1925, ст. 303]. Полностью иммиграционный процесс оборвался в 1927 году, когда советское правительство, готовившееся к коллективизации деревни, запретило сельскохозяйственную иммиграцию [18; 1926, ст. 458], [18; 1927, ст. 130], [17; 1927, ст. 95].

Новый поворот в иммиграционной политике советской власти был связан с начавшейся индустриализацией – страна нуждалась в рабочих руках и квалифицированных специалистах. С одной стороны, происходит дальнейшее ужесточение законодательства относительно эмиграции и иммиграции, с другой – решения XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), взявшего курс на «расширение практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашение иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР» [10], открывают двери новой волне иностранной трудовой иммиграции. Правительство предполагало привлечь в СССР 40 тысяч иностранных рабочих и специалистов [5; 27]. В классовом государстве с однопартийной системой при постоянно возрастающем влиянии партийного аппарата на все сферы жизни подобные решения принимали силу закона.

В наборе иностранных рабочих не существовало единой централизованной системы – наряду с ВСНХ приглашения исходили от самых различных ведомств и учреждений. О масштабах приглашения на работу свидетельствует тот факт, что только в советском полпредстве в Германии в начале 1930-х годов вербовкой занимались 70 сотруди́ков [7; 181]. К концу первой пятилетки в СССР трудилось уже около 20 тысяч высококвалифицированных иностранных рабочих и специалистов (вместе с членами семей – не менее 35 тысяч) [5; 28–29]. Наибольший процент приехавших по контрактам составляли иммигранты из Германии и Северной Америки.

Если говорить о Карелии, то изначально правительство автономной республики действовало в русле общероссийской политики, привнесло, впрочем, свои идеи в ее осуществление. Проводя в жизнь идею создания карельской национальной автономии, а затем осуществляя политику «карелизации» («коренизации»), правительство политэмигранта Эдварда Гюллинга, естественно, делало ставку на иммиграцию в Карелию этнических финнов. Помимо Финляндии, источником трудовых ресурсов могли стать Канада и США, где в 1930 году насчитывалось около 173 тысяч финляндских иммигрантов [2; 181].

Мысль о привлечении в Карелию финнов из США и Канады у красных финнов и руководителей Советской России возникла сразу же после революции: в мае 1918 года об этом вели разговор с Лениным Эйно Рахья и Эдвард Васстен [9; 130]. Возглавивший в 1920 году только что образованную Карельскую трудовую коммуно (КТК) Эдвард Гюллинг начал собирать в республику финнов-эмигрантов, причем изначально речь шла не только о политэмигрантах, участниках революционных событий 1918 года. В начале 1920-х годов Карельский ревком и Совнарком неоднократно обсуждали вопросы об использовании в экономике республики иностранной рабочей силы. В 1921–1922 годах между КТК и финляндским профсоюзом рабочих промышленности были заключены договоры о перевозе из Финляндии квалифицированной рабочей силы для лесозаводов Карелии, рубок леса и его сплава [12; ф. Р-550, оп. 1, д. 3/37, л. 219], [12; ф. Р-682, оп. 1, д. 1/10, л. 5–6]. Тогда же появились в республике и первые североамериканские финны – в 1922 году начала работать на севере края (Княжья Губа) артель рыбаков из США, три года спустя на заболоченных землях Олонецкого района группа канадских рабочих и фермеров создала сельскохозяйственную коммуно «Säde».

Слабонаселенная Карелия действительно остро нуждалась в квалифицированной рабочей силе. По мере того как росли темпы экономического развития и в стране принимались планы один грандиознее другого, дефицит кадров ощущался все острее. Производственные задания по лесозаготовкам постоянно увеличивались, ввоз же сезонных рабочих – а это ежегодно были десятки тысяч человек – оказался мероприятием дорогостоящим и малоэффективным. Карельское правительство неоднократно обращалось к руководству страны с просьбой разрешить ему коренным образом пересмотреть кадровую политику. В одном из таких обращений в Совнарком РСФСР, например, говорилось: «Быстрые темпы социалистического строительства и реконструкция народного хозяйства Карелии, ее переустройство в район промышленного значения требуют такого количества рабочей силы, что удовлетворить эту потребность за счет имеющегося населения является абсолютно невозможным. Положение усугубляется крайней дефицитностью квалифицированной рабочей силы и отсутствием в Карелии не только собственных национальных пролетарских кадров, но даже и основного ядра, вокруг которого можно было бы их организовать» [12; ф. Р-690, оп. 1, д. 15/163, л. 46–47]. Выход из положения виделся республиканским властям в расширении переселенческих мероприятий и в увеличении притока рабочих-финнов из Северной Америки. Лучшие из этих людей, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики.

Поначалу предложения Карелии категорически отвергались верховными властями. ОГПУ СССР, Наркомат иностранных дел и Совнарком РСФСР мотивировали свои отказы тем, что «использование иностранных рабочих в советских условиях неэффективно» [12; ф. Р-690, оп. 1, д. 17/181, л. 14–15, 17–18]. Решения XVI съезда ВКП(б), вошедшего в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», коренным образом изменили ситуацию.

Осенью 1930 года в Карелию прибыла первая небольшая группа лесорубов из Канады. Тогда же был, наконец, согласован с московским руководством вопрос о массовом переселении квалифицированных рабочих-финнов из Северной Америки. Отметим, что вопрос решался на самом высоком уровне: Гюллинг лично обговаривал его со Сталиным и Молотовым [16; 8]. В течение 1931–1932 годов последовал целый ряд постановлений СНК СССР, РСФСР и Карелии, определявших количество привлекаемых на лесозаготовки иностранных рабочих [12; ф. П-3, оп. 5, д. 276, л. 50–53] – и массовое переселение финнов из Северной Америки в Карелию началось. Всего в 1930–1935 годах в республику переехало примерно 6,5 тысячи североамериканских финнов. Свыше трети из них составляли не занятые на производстве женщины и дети (подробнее о финской диаспоре Карелии см. [20]).

Помимо вербовки иностранных рабочих-финнов, ставка делалась на тверских карел, вепсов и ингерманландцев. Так, в постановлении Карельского СНК о контрольных цифрах по промпереселению на 1932 год говорилось следующее: «Определить как минимум завоз постоянных кадров в порядке промпереселения в количестве 12600 человек, в том числе за счет иностранной рабочей силы (Америка, Канада, Швеция) 5000 чел.; из областей СССР в количестве 7600 чел., из них тверских карел и ингерманландцев до 6000 чел.» [16; 10]. Однако не следует забывать, что в годы первой пятилетки права общесоюзных органов в экономике Карелии значительно расширяются. Многие крупные предприятия и тресты, переданные в ведение общесоюзных органов, проводили самостоятельную вербовочную политику. Как следствие, в 1932 году в Карелию на постоянное местожительство переселились 64813 человек, среди них было 38 вепсов (0,06 %), 1218 карел (1,9 %) и 7649 финнов (11,8 %, ингерманландцев среди них было 164 человека [11; ф. П-3, оп. 2, д. 783, л. 4]); доля русских в этом потоке составила 68,7 % (44526 человек), прочих – 17,6 % (11382). Подсчитано по [14].

Таким образом, действия карельского правительства по привлечению в республику трудовых иммигрантов из-за рубежа, создание соответствующих органов для организации этого процесса, развертывание широкой пропагандистской работы и сети вербовочных пунктов ни в коем случае не следует считать исключительно

инициативой возглавлявших республику финских политэмигрантов и Эдварда Гюллинга, руководствовавшихся, как считают некоторые исследователи, «панфинскими» амбициями (см., например, [28], [24], [3]). Так же как и в определении судьбы карельской автономии, решающим фактором в возможности проведения переселенческой политики стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной и экономической политикой советского правительства.

Механический прирост, ставший с 1930 года главным фактором увеличения числа жителей республики и размыва ее коренного населения, привел к тому, что к 1933 году родившиеся вне Карелии составляли треть (32,8 %) от всего населения [14; 47]. Как же относились жители Карелии к мигрантам и, прежде всего, к иммигрантам из-за рубежа?

В последнее время все больший размах и популярность приобретают кросскультурные исследования, интерес к которым подогревается нерешенными политическими, социальными и экономическими проблемами, вспышками межнациональных конфликтов и бытового национализма. Однако осознание того, что мы живем в поликультурном мире, что непривычное не обязательно плохо, приходит к человечеству с большим опозданием. Впрочем, процесс приспособления иммигрантов к новой среде во все времена воспринимался обществом как постепенное в нем растворение, протекавшее быстрее или медленнее в зависимости от индивидуальных особенностей.

В работах, посвященных изучению адаптации мигрантов, рассматриваются различные типы стратегий поведения групп и индивидов в условиях новой культурной среды:

- интеграция, когда каждая из взаимодействующих групп и их представители сохраняют свою культуру, но одновременно устанавливают тесные контакты между собой;
- ассимиляция, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с другой культурой;
- сепаратизм / сегрегация, когда группа и ее члены, сохраняя свою культуру, отказываются от контактов с другой культурой либо отвергаются ею;
- маргинализация, когда группа и ее члены теряют свою культуру, но не устанавливают тесных контактов с другой культурой.

Между стратегиями аккультурации и успешностью адаптации в инокультурном окружении существуют прочные связи: наибольший успех достигается в результате интеграции, наименьший – в результате маргинализации, а ассимиляция и сепаратизм занимают промежуточное положение [15]. Но, как известно, группы меньшинства не всегда свободны в выборе стратегии аккультурации. Для достижения интеграции необходимо взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права

всех жить как культурно различные народы. Эта стратегия не только требует от меньшинства адаптации к основным ценностям доминирующего общества, но и большинство должно быть готово адаптировать свои социальные институты к потребностям иммигрантов.

Вопросы, связанные с восприятием принимающим населением приезжих и формированием образа этнического иммигранта, разработаны в меньшей степени. В современных психологических исследованиях относительно восприятия иммигрантов русскими можно найти предположения, что русские предпочитают образы тех иммигрантов, которые не соответствуют своим национальным стереотипам, а, скорее, соответствуют представлениям о «типично русском» поведении и образе мыслей [23]. Таким образом, чем сильнее несоответствия, тем выше степень негативизма в восприятии иммигрантов. Представляется, что это предположение может быть подтверждено и историческим материалом.

Как мы уже отмечали в предыдущих исследованиях [21], [31], в Карелии 1920–30-х годов местным трудящимся населением финские иммигранты воспринимались скорее не как единая этническая группа, а как несколько разнородных волн пришельцев-чужаков, представлявших, как казалось людям, угрозу их жизни и благополучию.

Противоречия между красными финнами, возглавлявшими республику в 1920–1935 годах, и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Политэмигранты стали олицетворением нового строя и, соответственно, виновниками бед, обрушившихся на карел. Насаждаемый властями образ белофинна-завоевателя причудливым образом экстраполировался населением на местных руководителей. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, страдавший, как писали газеты того времени, «под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом и именно они порой воспринимались жителями Карелии как «господа», мечтающие лишить карел их родины, а то и просто как «пятая колонна». Этот образ «чужого» этнически был окрашен очень слабо, зато часто сливался с представлениями о буржуазной жизни – привилегии, которыми пользовались политэмигранты, способствовали этому.

С началом массового переселения североамериканских финнов в Карелию республиканская пресса активно включилась в формирование положительного образа иммигрантов у населения. Республиканские и районные газеты печатали восторженные отзывы самих иммигрантов о Стране Советов и рассказывали о трудовых подвигах приезжих. Газеты пестрели заголовками: «Заимствовать опыт американцев», «Канадские рабочие в карельских лесах», «Канадские лесорубы приветствуют обращение обкома», «Ни один из нас не вернется обратно в Америку!», «Не рабы, а хозяева», «Мы прие-

хали помочь» [11]. Однако в обществе сразу начинается формироваться совсем иной образ иммигрантов – слишком уж велики были различия в культурных приоритетах и ценностных ориентациях уже во многом урбанизированных североамериканцев и жителей бедной крестьянской Карелии. Американские финны воспринимались полуголодным местным населением не как этническая группа, а как «иностранцы», «нахлебники» и «буржуи», отнимающие у них права и работу.

Покидая Америку, иммигранты надеялись, помимо всего прочего, и на то, что они едут в страну, где царит равенство, нет кризисов и безработицы, все живут одной большой дружной семьей, вместе работают и отдыхают (см., например, [29; 41–45]). В действительности они оказались в стратифицированном обществе, основанном на политическом и экономическом неравенстве различных социальных слоев. Однако теперь именно они оказались на одной из высших ступеней этого общества. Иммигранты были освобождены от обложения единым сельскохозяйственным налогом на десять лет и подоходным налогом на три года, имели право первоочередного получения жилья и поступления в учебные заведения, дополнительное снабжение и т. д. [12; ф. Р-685, оп. 1, д. 2/16, л. 3].

Сами американские финны прекрасно понимали особенность своего положения: «Мы были не какими-нибудь перебежчиками, а легальными иммигрантами, приехавшими по приглашению, работавшими по контракту. Мы имели особые права и особые привилегии» [29; 36]. Иммигранты считали эти привилегии само собой разумеющимися: «Мы находились на особом положении, у нас была своя продовольственная норма. <...> Если бы не это, ни один из нас не смог бы прожить здесь, в Карелии, и недели» [32]. И им было совсем не понятно, как могло выжить местное население на столь нищенскую заработную плату, не получая никакого дополнительного снабжения: «В магазинах Инснаба покупали продукты только американские финны. <...> К тому же у нас были свои, особые нормы снабжения. Но как выжили русские люди, не имеющие таких надбавок, я не могу понять до сих пор» (интервью с Э. Раутио. 25 мая 2002 года).

Естественно, что льготы, которые имели иностранные переселенцы, были предметом зависти и поводом для ненависти со стороны местного населения. Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15], [12; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123].

На многих предприятиях заработная плата американских финнов была значительно выше, чем у местных рабочих, и не всегда это было обусловлено более высокой квалификацией приезжих. Так, например, средняя зарплата иностранного рабочего на Онежском заводе состав-

ляла 180 рублей, в то время как местного – лишь 100 рублей [12; ф. Р-685, оп. 1, д. 13/150, л. 73]. Рабочих возмущало то, что приезжим сразу устанавливали высокие оклады и что их ставили на выгодные работы в ущерб местным: «Мы работаем по пять лет, получаем по 204 рубля в месяц, а тут берут финнов, которые раньше не работали, и тоже с окладом в 204 рубля. <...> Где же справедливость?», «У нас в мастерской не любят русских, на все хорошие работы ставят американцев, а нас почти всех перевели работать поденно, зато мы так и работаем – в столовую, курилку да в уборную» [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 32; оп. 2, д. 9, л. 35].

Сложные, нередко конфликтные взаимоотношения между иммигрантами и местным населением были обусловлены не только конкуренцией за ограниченные экономические ресурсы. Большое значение, как уже отмечалось, имела этнокультурная дистанция (различие в системе социальных ориентиров, ценностей и представлений о желательном порядке вещей), которая разделяла людей.

Приезжие очень многого не понимали и не принимали в окружающей их действительности. Если говорить о производстве, то наиболее острой была реакция иностранцев на несправедливость и обман при расчетах, на дезорганизованность работ, простой и постоянную штурмовщину, а также на бюрократизм и инертность руководства разного уровня. В отличие от русских рабочих, которые многое принимали как должное, иностранцы требовали от администрации нормальной организации труда, ликвидации простоев, высокой зарплаты, правильных расчетов, регулярного отпуска, хороших жилищных условий и т. д. В конфликтных ситуациях они нередко использовали те же методы, что и на капиталистических предприятиях: прекращение работы, забастовки, ультиматумы. Это было характерно для всех иностранных рабочих, трудившихся в СССР (см.: [6]). Подобные действия вызывали недоумение и раздражение со стороны местных рабочих, а властями расценивались как полное непонимание иностранцами «практических вопросов нашего строительства, трудностей переходного периода и особенно тактики партии» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 10].

Разжиганию розни между населением и иностранными рабочими способствовала и неграмотная политика местных властей. Решения партийных и государственных органов о необходимости обеспечить достойные условия жизни и работы промпереселенцам на местах порой претворялись в жизнь самым абсурдным образом. Это выражалось в необоснованно завышенных расценках заработной платы для иммигрантов, в обеспечении жильем, в распределении продуктовых пайков и т. д. Документы начала 1930-х годов пестрят свидетельствами того, что многие вспыхивавшие тогда конфликты между населением и иммигрантами были спровоциро-

ваны даже не столько действиями, сколько высказываниями местных чиновников, такими, например, как: «Продукты не для вас, а для американцев, а вы и так обойдетесь» [12; ф. Р-685, оп. 2, д. 12/147, л. 25] или «Вам нужно жилье? Я это знаю. У меня хотя и есть нормальное жилье, но вам я его не дам. Мы ждем квалифицированных иностранных рабочих, жилье бережем для них. А вы, что? Так, чернорабочие. Не можем же мы чернорабочим тоже давать жилье» [1].

Подливали масла в огонь и сами финны. Многие североамериканские переселенцы, особенно на первых порах, весьма цинично и презрительно относились к местному населению, считая русских отсталыми, не способными к порядку и прогрессу людьми (см., например, [25; 24, 64]). Находясь на ответственных должностях, они, прежде всего, старались помочь своим землякам, и делалось это порой в ущерб местным рабочим. В апреле 1932 года на лесозаводе им. Октябрьской революции местные рабочие отказались работать, заявляя, что заведующий механическим цехом Петерсон и его помощник Мяки отдают предпочтение «своим», ставя их на выгодные работы, часто в ущерб производству. Так, рабочий Торопов был снят с должности мастера, на его место Петерсон поставил своего сына, у которого абсолютно не было опыта. Зарплата родственнику была повышена до 47 рублей в сутки, что являлось огромной по тем временам суммой [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 22].

Немало было случаев прямого сокрытия неприглядных поступков соотечественников. В документах встречаются жалобы рабочих, например, такого рода: «Иностранцы постоянно пьянствуют, прогуливают по 3 дня, администрация все знает, но мер никаких не принимает, тогда как нас, русских, за один день прогула выгоняют с завода, отбирают карточки и выселяют с квартир» [12; ф. П-1230, оп. 7, д. 6, л. 76].

Конфликты и противостояние выливались порой в серьезные столкновения, наносившие урон производству и угрожавшие жизни людей. Так, по заявлению главного механика Онегзавода, в течение одной декады на заводе случилось 4 аварии, которые явно были подстроены. Например, в апреле 1933 года механик машинного отделения Кирпасов перед уходом с работы выпустил всю воду из нагретого бака, зная, что следом придет бригада рабочих, недавно прибывших из Америки. В результате произошла авария, несколько человек получили ожоги [12; ф. П-1230, оп. 6, д. 20, л. 11].

Очень непросто складывались отношения с местным населением и в быту, где еще ярче выявлялись этнокультурные различия. В Америке и в Финляндии те условия жизни, в которых оказались иммигранты, являлись нищенскими, убогими, в Карелии же они считались «богачами», «буржуями». Вещи, которые привозили иммигранты, были в диковинку местному насе-

лению, многого никогда прежде не видевшему. Одежда приезжих также сильно отличалась от того, в чем ходили местные жители. Стремление финнов даже в чудовищных условиях барачной жизни создать хоть какое-то подобие уюта и чистоты воспринималось соседями как мешанство и мелкобуржуазность.

Особенно остро эти различия ощущали женщины. Советские женщины, трудившиеся до изнеможения наряду с мужчинами, не понимали, как можно сидеть дома с детьми, и называли финок «тунеядками», «лентйками», привыкшими в своей буржуазной стране жить «за чужой счет». Те в свою очередь презирали соседок за вечно грязные полы, неухоженных детей, запущенный двор (интервью с Э. Леметти. 28 февраля 2002 года). Власти фиксировали и эти конфликты: «Жены инорабочих, оторванные от производства, не знающие языка, ведут изолированный образ жизни и зачастую поддаются нездоровым настроениям на почве бытовых неполадок» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 20].

Непросто складывались отношения и между детьми. По воспоминаниям американских финнов, они все время боялись, что местные дети будут над ними смеяться или побьют (интервью с П. Корганом. 24 апреля 2002 года). Часто возникали ссоры в школах, где существовали финские и русские классы. Это отразилось в воспоминаниях иммигрантов: «Во дворе школы мы часто видели русских детей, но никогда с ними не общались, а только дразнились. Русские кричали нам “Finka-blinka”, а мы отвечали им “Russkipusski”...» [27] Неоднократно случались и драки.

Активность финнов – создание драматических кружков, хоровых студий, спортивных секций, организация собственного оркестра, различные мероприятия – вызывали открытое непонимание местного населения. Соседи просто не могли поверить, как в такое сложное время, не имея нормальных средств к существованию, можно заниматься какой-то добровольной деятельностью. Зачастую рождались подозрения, что американцы, помимо инснабовского снабжения, получают от финского руководства еще дополнительные средства, иначе, почему они могут петь, играть, заниматься спортом в то время, когда все голодают.

Важной причиной, затруднявшей процессы интеграции и провоцировавшей конфликты, был языковой барьер. Нежелание учить русский язык, что было свойственно многим североамериканским переселенцам, особенно женщинам, обуславливалось не только широким распространением в республике в первой половине 1930-х годов финского языка. Это свидетельствовало и о том, что Карелия не стала для первого поколения иммигрантов родиной, и они продолжали ощущать себя здесь временными постояльцами. Полное неприятие окружающей действительности выливалось в крайне негативное отношение к русскому языку и нежелание знакомиться с мест-

ной культурой. «Как только мама видела русский алфавит, – вспоминала Мейми Севандер, – у нее тут же начиналось головокружение» [30; 49]. Во многих случаях единственным связующим звеном с окружающим русскоязычным миром становились дети, которые гораздо быстрее и легче адаптировались в новых условиях.

Понятно, что большинство производственных и бытовых конфликтов были вызваны сложными причинно-следственными связями. За малозначительным, на первый взгляд, поводом (таким, например, как проигрыш русских финнам в шахматы [12; ф. П-6153, оп. 3, д. 253, л. 113]) нередко прослеживается целый ряд существенных скрытых причин. Чаще всего при изучении конкретного конфликта выявляется постепенное накопление и наложение разнородных факторов, приводящих к срыву, – от конкретных недостатков на производстве и бытовых неурядиц до специфики восприятия иностранцами всех аспектов советской действительности и серьезных культурно-ментальных различий. Для населения Карелии все в приезжих было чужое – и манера работать, и инструменты, и образ жизни, и одежда, и поведение в быту, и реакция на окружающую действительность. Поэтому на все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ зачастую был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуям нечего здесь делать!» [12; ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15], [12; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123]

В создавшейся ситуации вполне понятно стремление иммигрантов самоизолироваться, замкнуться в тесном мирке себе подобных. Обычно иностранцы селились компактно, старались работать отдельными коллективами, как можно меньше соприкасаясь с местными рабочими, администрацией и соседями. Отдыхать и общаться они также предпочитали в своей среде. Изоляционизм финнов, который впоследствии послужил одним из поводов к обвинению

всех иммигрантов в буржуазном национализме, был формой самосохранения.

По мере того как изменялась обстановка (отмена инсубовских норм, уравнивание в правах, реэмиграция самых недовольных, совместная трудовая деятельность, улучшение условий жизни и т. д.), менялось и отношение населения к иммигрантам. В новой ситуации, когда в республике начинает набирать обороты борьба с финским буржуазным национализмом, местное население постепенно осознает, насколько приезжим, привыкшим к совершенно другим условиям жизни, тяжелее, чем им самим. С конца 1933 года в документах практически перестают появляться свидетельства о конфликтах местного населения с иммигрантами. Наоборот, в архивных материалах середины – второй половины 1930-х годов, так же как в воспоминаниях и интервью самих финнов, можно отыскать свидетельства сочувствия к гонимым и примеры многочисленных случаев взаимопомощи, когда местные старались поддержать иммигрантов в критической ситуации (см., например, [27], интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 года). Именно тогда, как вспоминает одна из приехавших, «мы чувствовали, что постепенно начинаем понимать друг друга. Хотя мы еще совсем плохо знали язык, но могли как-то договориться, что-то обсудить. Мы, дети, часто переводили родителям то, что говорили русские» (интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 года).

Тем не менее представляется, что применительно к первой половине 1930-х годов (период, когда численность финнов-иммигрантов в Карелии была наибольшей за всю историю автономии – около 15 тысяч) говорить о готовности населения республики и иммигрантов понять и принять культуры друг друга не приходится. Проблема взаимного приспособления оказалась одной из наиболее острых для обеих сторон, и в обоих случаях на первых порах были избраны стратегии сепаратизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аленикин Г. Не хочу стать дезертиром // Красная Карелия. 1932. 17 сентября. С. 3.
2. Андрияйнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1969. С. 180–197.
3. Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 279–308.
4. Декреты Советской власти. Т. VIII. М., 1976. С. 298–299.
5. Журавлев С. «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электростанционного завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2000. 352 с.
6. Журавлев С. Производственные конфликты с участием иностранных рабочих на советских предприятиях 1930-х гг. Электронный ресурс // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB3/zhuravlv.htm>.
7. Журавлев С. В., Тяжелникова В. С. Иностранная колония в Советской России в 1920–1930-е годы. (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 179–189.
8. Иоффе А. Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3.
9. Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л.: Лениздат, 1969. 224 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 т. М.: Политиздат, 1953.
11. Красная Карелия. 1931, № 41, 123, 291; 1932, № 8, 54, 73.
12. Национальный архив Республики Карелия (НА РК).
13. Новиков К. Как Россия трудоустроивала иностранцев. Электронный ресурс // <http://www.rokf.ru/carera/2007/12/10/102108.html>.
14. Перепись населения АКСОР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935. 59 с.

15. Психологическая и социокультурная адаптация иммигрантов. Электронный ресурс // <http://www.faror.com/cpg134/albums/userpics/10002/>.
16. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926–1941. Петрозаводск: Карелия, 1984. 198 с.
17. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1924–1937. (СЗ СССР).
18. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1938. (СУ РСФСР).
19. Советское народное хозяйство, 1921–1925. М., 1960. С. 531.
20. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Нева, 2002. 171 с.
21. Такала И. Р. Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 271–280.
22. Тарле Г. Я. Российские документы о правилах въезда и выезда за границу в 20-х годах XX в. (Анализ источников). Электронный ресурс // <http://www.rostmuseum.ru/publication/srm/013/tarle01.html>.
23. Щебетенко С. А., Корниенко Д. С., Балева М. В. Восприятие иммигрантов русскими: стереотип и угроза Я (постановка проблемы). Электронный ресурс // http://www.psu.ru/psu/files/2216/05_2006.pdf.
24. Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. 402 s.
25. Komulainen E. A. Grave in Karelia. New York: Braun Brumfield, 1995. 128 p.
26. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York: Northwestern University Press, 1975. 359 p.
27. Miettinen H., Jorganson K. Petettyjen toiveiden maa. Saarijärvi, 2001. 198 s.
28. Pogorelskin A. Why Karelian Fever? // Siirtolaisuus Migration. 2000. № 1. P. 25–26.
29. Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki: Arator, 2000. 455 s.
30. Sevander M. They took my father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, Minnesota: Pfeifer-Hamilton, 1991. 190 p.
31. Takala I. Finnish immigrants in the Soviet Karelia in 1920s and 1930s – the study of ethnic identities // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future. Luleå, 2007. P. 57–69.
32. Tuomi K. Isänmattoman tarina. Amerikansuomalaisen vakoojan muistelmat. Porvoo, 1984. 190 s.